

Пьетро Альбетти в мастерской.

DENTRO L'OPERA · РАССЫЛКА ГАЛЕРЕИ RUBIN · № 5

«Как дар»

Картины Пьетро Альбетти изнутри

Текст и интервью: Инга Санта Мария, Art Consul

Чьё-то дыхание в комнате. На двух холстах Пьетро Альбетти — спящие люди, застигнутые в самый беззащитный миг, какой только бывает. Не спит лишь один — тот, кто смотрит на любимых так, словно видит их впервые.

Это люди, которых он любит, хотя вслух об этом не говорит. Имен у этих фигур нет — так он решил сознательно. «Это не совсем портреты, — объясняет художник. — Чувствуется, что это близкие мне люди, но я пытался сделать их универсальными». Таково первое движение его взгляда: начать с самого близкого, чтобы прийти к каждому.

Почему именно сон? Потому что только во сне мы сбрасываем всякую броню. «Сон — это момент, когда человек освобождается от собственного характера, — говорит Альбетти. — Момент, когда я понимаю, что те, кого я люблю, — другие, не я». Наверное, это и есть самая чистая форма любви: признать, что тот, кого любишь, тебе не принадлежит. Именно отсюда, из отношений с людьми, которые были и остаются в его жизни, вырастает цикл «Circostanze» («Обстоятельства»). Главное — остановиться, «отойти на шаг и взглянуть на них как на новых людей, как на дар». Такое случается редко. «Чаще всего — когда близкий человек занят чем-то, что от меня не зависит, — рассказывает он. — Тогда я останавливаюсь и смотрю на то, что мне не принадлежит, хотя и глубоко вросло в мою жизнь». И добавляет фразу, от которой кружится голова: «Смерть — предельная степень этого осознания».

Посмотрите теперь, как сделаны эти холсты, — и станет ясно, почему здесь всё начинается с комнаты. Альбетти идёт от темноты: он тонирует грунт коричневым, почти чёрным пигментом — кассельской землёй, «цветом полей» той равнины, где он годами писал пейзажи. По этой темноте он намечает рисунок сангиной, а затем мазок за мазком лепит форму маслом — маленькой кистью, жидкой краской, никогда не «замыкая» фигуры: «Место и фигура должны расти вместе, чтобы сквозь них дышала материя, из которой они сделаны». Чёрный цвет для него — не пустота, а обещание: «Чёрный — это незаполненное пространство, тёмная комната, в которой есть глубина». Вот они, его *circo-stanze*: в итальянском слове *circostanze* («обстоятельства») прячутся *stanze* — комнаты, где свет и люди проступают из мрака, как из сна.

Пьетро Альбетти. *Circostanze* № 3. 2021. Холст, масло. 127 × 157 см

Перед этими картинами не случайно чувствуешь что-то живое. Для Альбетти писать — «не завершающий акт, а порождающий»: он не знает, куда приведут его мазки, и потому это акт, который «прежде всего должен быть желанным. Как желают тело». Образ возникает из подлинных отношений, «которые могут быть борьбой, разочарованием, тоской и неожиданным чудом, как всякие настоящие отношения». А завершён он лишь тогда, когда картина отделяется от автора: «Работа закончена, когда я признаю за ней самостоятельность, когда она может идти сама». Удержать её хоть на миг дольше, признаётся он, — значит её погасить.

Но чтобы понять, как художник пришёл к двум спящим фигурам, нужно вернуться к самой материи. Альбетти начинает с информеля — под знаком Бурри, которого считает одним из своих учителей, — и работает с материалом как с выразительным средством. Затем наступает время пейзажей, а с ним — десять «героических» лет на пленэре: он пишет в любую погоду и доходит до того, что крепит почти двухметровые холсты на крышу машины, чтобы работать прямо на натуре. «Я хотел довести пленэрную живопись до предела». Природа, говорит он, стала его учителем.

Тяга к большим форматам выливается в цикл «Navigli» — четырёхметровые холсты, где в воде миланских каналов отражается город. На дворе 2009 год, который он называет «решающим»: эти работы попадают на большую миланскую выставку «Acqua, riflessi, memorie» («Вода, отражения, воспоминания») и оказываются в одном ряду с великими мастерами и даже с «Нарциссом» Караваджо. Именно тема воды, которая и сегодня приносит ему заказы, в 2015 году приводит его в галерею Rubin.

Но как раз тогда, когда он пишет отражения, его впервые зовёт тело. Однажды он случайно заходит в хлев: чёрно-белые волосы лежат в грязи, и в этой «тёплой тишине» его настигает мысль о судьбе — их и нашей. Так появляется цикл «Farm», а за ним — большие холсты о скотобойне. Чтобы их написать, он просит разрешения присутствовать при забое скота, хотя и боится, что это зрелище оставит на нём след; но вместо этого ему запоминаются «почти ювелирные» движения трёх мясников, «похожих на хирургов: древнее ремесло». На выставке три зала: в одном — тела животных, в другом — скотобойня, а в третьем певцы исполняют народные песни. Ведь он хочет, по его словам, «чтобы смерть не была последним словом» и чтобы из тела мог родиться «знак красоты — как песня».

А потом жизнь задаёт ему тот же вопрос — уже в упор. В 2012 году его друзья, супружеская пара, ждут ребёнка, которого редкая болезнь обрекает умереть сразу после рождения. И Альбетти спрашивает себя, «какой смысл может иметь эта жизнь в материнской утробе». По снимкам УЗИ он пишет «Factum est» (лат. «Совершилось») — двадцать пять маленьких холстов, которые складываются в квадрат со стороной около двух метров; белые пятна на них «сияют, как звёзды во тьме». Тогда он понимает то, что уже никогда его не оставит: «Этот ребёнок, которому не суждено было жить, уже существовал, уже был жизнью». А ребёнок — чудом — родился и выжил.

С этого момента его тема — человек. Затем появляются города — цикл «Fermo-immagine» («Стоп-кадр»), показанный в галерее Rubin в 2016 году: маленькие, часто одинокие фигуры среди огромных зданий. Всё начинается однажды под вечер: лучи заходящего солнца ложатся на верхние этажи дома конца XIX века, и свет, по его словам, «такой сильный и тёплый», что Альбетти останавливается, чтобы его запечатлеть. И тут он замечает на балконе пожилого человека, подставившего лицо солнцу. «То, что прежде было просто местом, будто обрело смысл»: с тех пор этот дом для него — уже не освещённая стена, а чьё-то жилище. Достаточно присутствия одного человека, чтобы мир стал обитаемым.

Эта нить тянется от работы к работе — к двум сегодняшним холстам. Цикл «Circostanze» соткан из всех этих встреч с человеком, «у которого есть форма и место, который живёт отношениями и одиночеством, у которого есть отпущенный срок и который порождает, потому что и сам непрестанно порождается». Спящие фигуры, которые сегодня можно увидеть в галерее Rubin, — новейшая глава непрекращающегося поиска.

Пьетро Альбетти. *Circostanze* № 5. 2025. Холст, масло. 126 × 162 см

За каждым его шагом стоят мастера. «Я ищу их, — говорит Альбетти, — потому что мне нужно знать, что я не один». Этим летом он объездил Европу, чтобы «попросить мастеров сопровождать» его новые работы, в которых художник обратится к обнажённой натуре. Его поразил Рембрандт — «то, как он смотрит на тело даже тогда, когда красота словно угасает». Альбетти хотел бы научиться такому взгляду, «свободному от обмана образов», способному любить «время, которое делает тело всё более настоящим, хранителем души».

И наконец, есть то, в чём Альбетти непреклонен: право искусства рассказывать истории. Многие художники, замечает он, избегают повествования из страха «выдвинуть состоятельную гипотезу о судьбе человека». Он же чувствует себя свободным. Ему мало мысли, пусть и верной, о больших темах, общих для всех; он ищет «встречу, лицо, которое тебя любит и разделяет твою судьбу». Именно этого он ждёт от живописи: не объяснять мир, а помочь нам увидеть, что каждая жизнь неповторима.

Напоследок вернёмся к двум спящим, с которых мы начали. Поза женской фигуры, рассказывает художник, должна была вместить всё, что женщина несёт в себе, — «её красоту, а вместе с ней и её вопрос о жизни». Поэтому её взгляд обращён к черноте, занимающей верхнюю часть картины, — «как будто в нём можно прочесть мысль». Эту деталь он любит у Джованни Беллини: «Удивительно, как ему удаётся сделать мысль ощутимой в своих фигурах».

Эти картины не повышают голоса. Они просят лишь одного: чтобы на них смотрели долго — так, как смотрят на человека, спящего рядом. Сейчас оба холста из цикла «Circostanze» можно увидеть в галерее Rubin в Милане: кто захочет, сможет прийти, постоять перед ними и побыть в этой тишине, такой полной жизни.

Текст и интервью: Инга Санта Мария, Art Consul.

О ХУДОЖНИКЕ

Пьетро Альбетти (род. в 1973 году в Мадженте) живёт и работает в Аббьятеграссо под Миланом. Учился в миланской Академии изящных искусств Брера, а также изучал Fine Art в колледже Лафборо (Англия); с 1999 года совмещает живопись с преподаванием. Работает циклами: пейзажи равнины под Миланом и «Navigli», серия о скотобойне и «Factum est», наконец, фигуры циклов «Città» («Города») и «Circostanze». Выставлялся, в частности, на Миланской триеннале; лауреат премии Combat. Камилло Лангоне включил его в число «Выдающихся живописцев» (Eccellenti Pittori). Сотрудничает с галереей Rubin с 2015 года.